

Никто больше не произнес ни слова, и тишина в этот миг казалась пустившей корни.

Лишь старинные часы неподалеку мерно покачивались туда-сюда, вновь и вновь повторяя свой ход.

За этой тишиной, позади красивой истории с белоснежными крыльями, опустился занавес, но вместо них поднялись черные перья. В тот самый момент за спинами присутствующих беззвучно прозвучал голос демона.

Медленно расползлся жуткий кроваво-красный цвет, являя взору искаженные злобой лица.

Первое действие подошло к концу, зрители разошлись сразу после окончания сказки, и теперь на сцене остались лишь те, кто действительно понимал эту пьесу — сами актеры.

Однако они играли вовсе не по сценарию, сойдя с предначертанной колеи...

Время будто замерло, застыло абсолютно всё. Казалось, это музыкальная шкатулка, у которой внезапно оборвали музыку, или тот самый миг в мире, когда вдруг перерезали струну, погрузив всё в безмолвие, а затем эхо этого мгновения унеслось далеко-далеко...

— Ты... — голос, полный нескрываемого восторга и изумления, разорвал тишину и безмятежность, которые, казалось, могли длиться вечно. Мужчина сошел с лестницы и остановился рядом с Шангуань Юньси, глядя прямо на нее, словно пытаясь заглянуть в самую душу, или, быть может, просто отыскивая собственный ответ в ее взгляде.

Шангуань Юньси не ответила. Повернув голову и глядя на Наньгун Юйсинь все еще бледным лицом, она долго молчала и лишь спустя вечность заговорила чуть дрожащим голосом:

— Папа, она... она...

Закончить фразу так и не удалось — словно кто-то перехватил ей горло, не позволяя вымолвить ни звука.

Но стоило ей умолкнуть на последнем слоге, как Юйсинь услужливо подхватила:

— Здравствуйте, дядя, я — Наньгун Юйсинь, а еще...

Ее голос стал невероятно сладким, но чем дальше, тем более жутко, леденяще и пугающе он звучал.

Все насторожили слухи, но все же услышали то самое имя, которое каждый старался не

упоминать — имя, бывшее в этом доме под запретом:

— Шангуань Цзюлуо.

Как бы то ни было, теперь от этого уже никуда не деться.

Чихуахуа в руках благородной дамы с глухим стуком упала на пол.

Все присутствующие вздрогнули от неожиданности, а у Шангуань Юньси и вовсе подкосились ноги, едва не заставив ее оступиться и упасть.

Выражение лица каждого из них отразилось в глазах Юйсинь. Неужели они испугались? Или же на то были другие причины?

Юйсинь произнесла собственное имя — имя, которое так глубоко ранило ее сердце, такое болезненное, выжженное на самом дне ее души, приносящее с собой невыносимую, разрывающую на части боль.

Мужчина отвел взгляд от Шангуань Юньси, переведя его на Юйсинь. Медленно подойдя к ней, он дрожащим голосом спросил:

— Ты... ты и впрямь Шангуань Цзюлуо?

Юйсинь без колебаний ответила:

— Да, папа.

Последнее «папа» прозвучало так леденяще, что от него пробежали мурашки по коже. На мгновение опустив голову и погрузившись в задумчивость, Юйсинь с легкой, почти озорной ноткой беспомощности произнесла:

— Ой, кажется, я ошибалась. Теперь мне следует называть вас дядей, ведь Шангуань Цзюлуо больше нет. Она умерла той грозовой ночью три года назад, ее больше не существует, осталась лишь Наньгун Юйсинь.

Подружки детства.

Юйсинь произнесла это так легко и небрежно.

На лице мужчины читалось крайнее неверие, но в его глазах уже отчетливо проступало глубокое разочарование. Внезапно они потускнели, лишившись всякого фокуса,

превратившись в бездонную пустоту.

Шангуань Юньси и благородная дама не могли вымолвить ни слова, а может, просто не знали, что сказать.

Шангуань Цзинью взял себя в руки и, все так же натягивая улыбку, произнес:

— Раз уж пришла, присаживайся, побудь с нами немного!

Он изо всех сил старался улыбаться, обращаясь к Юйсинь.

Юйсинь не придавала этому никакого значения. Пройдя прямо к дивану, она изящно опустилась на него, по-прежнему излучая ленивую небрежность.

Легкий ветерок дохнул из открытого окна, играя ее винно-красными прядями. Эта безупречная сказка — хотелось просто молча смотреть на нее, пусть даже время навсегда остановилось бы на этом самом миге.

— Шангуань Цзюлоу, зачем ты сейчас вернулась? — благородная дама больше не могла сдерживаться. То ли эта девушка пугала ее, то ли угрожала ее положению? На самом деле она и сама толком не понимала.

Юйсинь даже не повернула к ней голову. Она ненавидела эту женщину лютой ненавистью, пропитывавшей саму ее суть. Если бы не она, ее матушка не встретила бы столь трагический конец.

Тягостные воспоминания о той ночи были живы в ее памяти — то, что она никогда не сможет забыть, то, что навсегда оставило шрамы на ее истерзанном сердце, в самой его глуши.

Образы матери вставали перед глазами так отчетливо, словно острый клинок снова и снова полосовал ее сердце. Неужели оно онемело? Почему же совсем не больно?

Слишком многое произошло, слишком много накопилось старых счетов, которые уже невозможно исправить.

Как говорится: «Прошлое не вернется, а вернувшееся не станет прежним».

Даже самые прекрасные вещи в следующее же мгновение неизбежно становятся лишь нашими воспоминаниями.

— Зачем я вернулась? — Юйсинь горько усмехнулась, повернув голову. Ее взгляд, холодный

настолько, что им можно было убивать, впился в благородную даму: — Ха-ха, думаю, тебе это должно быть лучше всех известно.

Поднеся руки к голове, она потерла виски:

— Разве ты всегда не славилась своими хитросплетениями? На этот раз ты тоже должна была всё просчитать, не разочаровывай меня.

Дама на мгновение потеряла дар речи:

— Ты...

Шангуань Юньси шагнула вперед, ее лицо тоже исказилось холодом:

— Наньгун Юйсинь, разве ты не Наньгун Юйсинь? Зачем ты вернулась? Зачем, зачем, зачем ты снова стала Шангуань Цзюлуо?! Разве не было бы лучше, если бы эта тайна навсегда осталась покоиться на дне озера, так и не всплыв наружу?

Гневный шепот Шангуань Юньси постепенно перешел в крик, а слезы, точно оборванные бусины, падали капля за каплей.

Юйсинь не отвечала, лишь молча опустила голову: разве ты сама не знаешь, почему я пришла? Разве ты не угадываешь каждый раз безошибочно? А на этот раз? Ты ведь наверняка тоже догадалась!

— Да, верно, теперь я — Наньгун Юйсинь, та самая барышня из клана Наньгун, на которую все смотрят снизу вверх.

Она умолкла на секунду, выдержав паузу:

— Но знаешь ли ты...

Думаю, ты должна знать.

— Какова цель моего возвращения на этот раз?

Хрупкое тело Шангуань Юньси заметно задрожало:

— Ты... неужели ты всё узнала? Неужели ради... ради...

— Бинго, ты угадала! Я же говорила, что ты обязательно догадаешься, — дьявольски улыбнувшись, бросила Юйсинь.

Это был голос из преисподней, зов самой смерти, сулящий неминуемую гибель.

В этот момент дверь снова отворилась, и оттуда появился красивый юноша.

Подняв голову, он встретился взглядом с красными глазами Юйсинь и явно испугался. Как такое возможно?

Улыбка Юйсинь стала еще шире, а голос прозвучал с легкой хрипотцой:

— Давно не виделись, Минь.

Товарищ детства, а теперь...

Туман рассеивается.

— Луолуо, — тихо позвал юноша.

Быстро подойдя к ней, он с полным неверием на лице произнес:

— Ты... ты и впрямь Шангуань Цзюлуо.

Взгляд Юйсинь стал еще более давящим:

— И ты пришел? Ха-ха.

— Это действительно ты! — стоявший перед ней мужчина был безумно рад и попытался схватить Юйсинь, чтобы заключить ее в объятия, но та ловко отскочила в сторону, заставив его схватить воздух.

Юноша опешил, оставшись на мгновение безмолвным.

— Цзюлуо, ты ведь из-за того, что случилось три года назад? — с чувством вины спросил отец Шангуань.

Юйсинь бросила взгляд на Цзыде и Ро Сюань — они ведь познакомились три года назад, но сама трагедия произошла четыре года назад:

— Нет, из-за того, что случилось четыре года назад.

Неужели та рана была настолько глубокой, что превратила тебя в такую? — подумал юноша, не показывая на лице никаких эмоций, хотя сердце в груди пронзала жгучая боль.

Шангуань Юньси прижалась к груди юноши, изображая из себя хрупкую, беззащитную девушку, но в глазах Юйсинь это выглядело как насмешка, ослепительная и едкая насмешка.

Ха-ха, столько лет прошло, а ты совсем не изменился.

— Цзюлоу, ты сильно изменилась, — в глазах юноши читалось глубокое раскаяние. — Не вини дядю: после того как он выгнал тебя, он сразу послал людей на поиски, но найти так и не смог, поэтому с тех пор он жил в непрекращающемся чувстве вины.

Он встретился взглядом с глазами Юйсинь:

— Так что не вини его, он погорячился в тот момент. А Юньси... думаю, она уже поняла свою ошибку.

Он снова взглянул на заплаканное лицо Шангуань Юньси в своих объятиях и чуть крепче обнял ее за талию.

В душе Юйсинь испытала отвращение — это было просто непростительно.

Внезапно она подняла руку и, указав на толпу людей, которые абсолютно ничего не понимали в происходящем, произнесла:

— Запомните раз и навсегда: Шангуань Цзюлоу мертва, она умерла четыре года назад. Теперь есть лишь юная госпожа клана Наньгун — Наньгун Юйсинь.

Гордый взгляд, одинокая королева. Глаза Цзыде и Ро Сюань слегка покраснели.

Юйсинь, как ты можешь нести всё это в одиночку? Разве тебе не тяжело?

— Поэтому... — Юйсинь опустила руку, играя кольцом на пальце, словно призывая смерть: — Я, Наньгун Юйсинь, официально объявляю вам войну.

В ее взгляде не было ни малейшего намерения отступить.

Тело юноши слегка задрожало, а губы зашептали:

— Цзюлуо, когда же ты стала такой... стала такой хладнокровной, такой безжалостной?

Юйсинь бросила презрительный взгляд на прижавшуюся к нему Шангуань Юньси и равнодушно бросила:

— Думаю, тебе стоит спросить об этом не меня, а тех, кто стоит здесь.

— Люди меняются. Спроси их, спроси, что они натворили. Твоя любимица наверняка знает лучше всех. Впрочем, тебе лучше заставить ее сказать правду, иначе... — голос Юйсинь заметно дрогнул: перед лицом этих запечатанных в памяти событий она все еще оставалась уязвимой. — ...она перевернет всю правду с ног на голову.

Юноша словно лишился дар речи, его взгляд постепенно помрачнел, и он опустил голову, не желая больше говорить. Спустя долгое время он всё же зажег искру, способную поджечь фитиль:

— Юйсинь, Яо Яо ведь не хотела бы, чтобы ты так поступала.

Это было самое болезненное место, ее личный запретный рубеж. То, в чем были виноваты они сами. Почему, почему они могли произносить это так легко и беззаботно?

Цзыде думала о том, как эти люди могут быть настолько жестокими? Неужели они не видят, что всё это — лишь спланированная ловушка?

Юйсинь уже начала закипать от ярости, и Ро Сюань поспешно схватила ее за руку, легко покачав головой: «Не надо».

Юйсинь изо всех сил постаралась успокоить сердце, а затем подскочила и отвесила звонкую пощечину этому прекрасному лицу. Красный след от ладони выглядел до того ярко, что резал глаза, причиняя ей самой невыносимую боль.

Прикрыв лицо рукой, та промолчала в ответ.

— Неужели вы считаете, что имеете право произносить это имя? Если бы не ты, если бы не тот заговор, который подстроила Шангуань Юньси, Яо Яо никогда бы не сорвалась в обрыв! — бросив напоследок эти слова, Юйсинь гордо развернулась и, не оглядываясь, вышла из особняка семьи Шангуань.

Оставив после себя лишь зловещую тишину.

Шангуань Юньси подняла голову и посмотрела на Лю Ханьминя:

— Неужели я и вправду столь непростительна?

Минь коснулся ее волос:

— Нет, не думай об этом.

На самом деле они сотворили куда больше зла. Закулисный заговор был известен лишь им одним, и всё вокруг было лишь обманом, фальшивкой. Но когда густой туман рассеется, реальность шаг за шагом выплывет наружу...

Мнения о прочитанных главах?

Число рекомендаций слишком мало, надеюсь, вы пошевелите пальчиками.

Одинокая королева Скорпиона.

Загадочная и могущественная правительница, возможно, она так похожа на Юйсинь. Точно так же обладает абсолютной властью и несравненной красотой, от которой теряют голову.

Загадочная, точно знак Зодиака Юйсинь — Скорпион. Гордая и скрытная, умная и благородная. Они могут казаться жестокими, но на самом деле за этой показной холодностью скрывается чистейшая доброта.

На самом деле Скорпионы вовсе не так злы, расчетливы, жестоки и молчаливы, как принято считать. Они невероятно чувствительны и умеют молча слушать, в душе оставаясь мягкими и добрыми людьми. У них обострено чувство справедливости, они любят помогать другим. А поскольку они боятся боли и разочарований, то никогда не подпускают людей близко, отчего и кажутся холодными.

Что же касается Скорпионов, то существует одна легенда:

У бога солнца Аполлона был сын — Фаэтон. От природы красивый и соблазнительный, он страшно гордился этим, его манера поведения всегда была высокомерной и грубой, а излишнее упрямство часто заставляло его невольно обижать окружающих.

Однажды кто-то сказал Фаэтону: «Ты вовсе не сын бога солнца!» Смеясь, тот человек удалился. Разве мог гордый Фаэтон стерпеть такое оскорбление? Он тут же спросил мать: «Скажи, я действительно сын Аполлона?» И как бы мать ни уверяла его в этом, у Фаэтона на уме было совсем другое — он потребовал позволения править солнечной колесницей своего отца, чтобы доказать всем свое божественное происхождение.

— Как ты можешь! — ужаснулся Аполлон. Солнце управляет жизнью всего живого, малейшая ошибка может привести к чудовищной катастрофе. Но уступить упрямству сына он не смог. Аполлон подробно объяснил, как нужно вести солнечную колесницу строго по орбите, однако высокомерный и заносчивый Фаэтон даже слушать не стал — он тут же запрыгнул в повозку и умчался прочь.

Конец, разумеется, оказался ужасным. Люди, животные и растения на земле то замерзали, то сгорали от жары, время перепуталось, небо заволокло мраком, и отовсюду неслись проклятия. Чтобы остановить Фаэтона, богиня Гера выпустила ядовитого скорпиона, который впился в лодыжку юноши, а Зевс поразил его страшной молнией. Раздался отчаянный крик, и Фаэтон рухнул на землю мертвым. На земле вновь воцарился покой, а в память о том скорпионе, которого молния тоже убила, созвездие было названо «Скорпионом».

Юйсинь — загадочная королева, и никто до конца не понимает, что у нее на уме.

Она тихая, манящая, обладающая неотразимой магией для противоположного пола. Неуловимая на первый взгляд, в глубине души она скрывает мощные и сложные эмоции. Когда дело касается любви, Юйсинь бывает уязвима: ей претит сама мысль о том, чтобы снова быть обманутой и преданной. Эта боль затягивает в пучину, из которой невозможно выбраться.

Она мечтает об обычной жизни. Если бы всё можно было начать сначала, если бы у нее был выбор, она бы выбрала простоту: простую дружбу, простую семью, простую любовь и спокойно прожила бы так всю жизнь.

Но у нее больше не осталось выбора.

Позади — бездонная пропасть преисподней, а впереди — трон гордой королевы, или, иначе говоря, путь, ведущий к тому, чтобы стать бессловесной марионеткой.

И все же выбора нет...

Пусть даже марионеткой — но непременно идеальной марионеткой...

Порой Юйсинь чувствует себя потерянной, одинокая королева.

Возможно, со стороны это сияющее положение кажется венцом славы, когда тебе рукоплещут толпы, а все остальные покорно лежат у ног.

Но Юйсинь знала: боль познается лишь на собственном опыте, пронзающая сердце боль, которую некому разделить — приходится ждать, пока время залечит раны.

Это звание, которому завидуют миллионы, куплено ценой бесчисленных потоков крови. Ее руки уже запятнаны, и пути назад нет...

Эта глава, кажется, не удалась, но у меня действительно не было времени. Впрочем, в субботу и воскресенье я всё наверстаю! Если количество добавлений в библиотеку превысит двести пятьдесят — выпущу главу вне графика, если число рекомендаций перевалит за сто — тоже добавлю бонусную главу (обещаю выложить в пятницу и на выходных).

Ну что ж, болтать больше не буду, мне еще уроки делать, пока-пока!

Скверное настроение

Юйсинь не стала возвращаться сразу, а отправилась в VIP-кабинету Павильона Пурпурного Очарования.

Приглушенный свет, винно-красные стены, густо обвитые тернистыми лозами роз. Они с силой рвали защитные барьеры, расползаясь повсюду и окрашивая всё вокруг в черный цвет.

Увядание...

Опадание...

Падение...

Минуя расцвет, шаг за шагом в бездонную пропасть смерти, без малейшей надежды на возрождение.

Оперевшись левой рукой о спинку дивана, Юйсинь держала в правой руке изящный хрупкий бокал с темно-красным, выдержанным вином.

Ее кровожадные красные глаза заставляли трепетать от ужаса.

— Ха-ха, похоже, я вас недооценила, — с горькой усмешкой произнесла Юйсинь.

Друзья детства, детские клятвы — с течением времени всё это постепенно размывалось, прячась за плотными дождевыми тучами и не смея показаться на свет.

Те обещания вечной верности исчезли без следа.

Вечности не существует в принципе. Никакой вечности никогда не будет, это всё лишь ложь — пусть и добрая, но причиняющая боль.

Ты всегда поступаешь так: ставишь во главу угла Шангуань Юньси и никогда, ни разу не думаешь о наших чувствах.

Знаешь ли ты каково это — испытывать подобную боль? Разрывающую на части, пожирающую изнутри боль на всю оставшуюся жизнь, которую просто невозможно вынести.

Почему? Я и так уже несу слишком тяжелый груз. Почему же, несмотря на всё это, мы не в силах изменить нашу реальность?

Голую, безжалостную реальность...

Всё, что ты говорил, всё, чего обещал, — не выполнено ни единое слово. Почему? Какое право вы имеете вновь касаться наших ран, берeditь их и сдирать зажившие корочки?

Прошрое, настоящее, реальность — всё это сплелось в единую цепь наших воспоминаний. В том самом году наша дружба и наши воспоминания оборвались...

Лю Ханьминь, ты большой глупец, ты хуже всех! Ты забыл нас всех, забыл всю боль — почему? Можешь ты мне объяснить? Как ты можешь так спокойно всё принимать и даже пытаться защищать ее?

Разве ты не понимаешь, что у каждого события есть маска? Что всё происходящее — лишь сон, а настоящая реальность прячется на самом дне этого сна?

Ты же должен понимать это, верно?

Почему заставляете страдать меня? Почему Шангуань Юньси не желает посмотреть правде в глаза? Почему ты не хочешь взглянуть ей в лицо? Почему вы все бегаеете от истины?!

— Шангуань Юньси, прекрасной же получится счетом. Жди, обязательно жди, я верну тебе всё сполна, не упуская ни единой мелочи.

— Ты получила слишком многое, но при этом совершила слишком много непростительных вещей.

— Шангуань Юньси, сегодняшним днем всё кончено. Мы перешагнули черту отчуждения, и теперь мы — настоящие враги, — тихо произнесла Юйсинь, и в ее взгляде проступила непоколебимая решимость, которую никому не под силу изменить.

С этого момента я всё отпускаю, мы проводим четкую границу. Больше вы меня не сломите.

Каждый из вас понесет заслуженное наказание.

Врата преисподней распахнуты, и зов демонов уже звучит над землей...

От этого не сбежать, никто и никогда не сможет скрыться...

Дорогие мои, это сегодняшняя первая глава, автор держит слово, правда ведь?

Чуть позже будут еще две главы, ждите с нетерпением.

(А я пошла строчить текст...)

Отмена совещания

Ни черного, ни белого, ни правых, ни виноватых — лишь расстояние между реальностью и действительностью.

<http://bllate.org/book/21104/2142320>